

Так я и поселился у Хэ Яня. Именно так его звали. В тот день я долго колебался, не зная, как к нему обращаться. Заметив моё замешательство, он с улыбкой назвал своё имя и предложил называть его просто так. Я понимал, что это непозволительно. Кем бы он ни был, он всё же мой отец... Ах, как же странно называть совершенно незнакомого человека отцом. Но странно или нет, выбора не было — это тело действительно принадлежало его сыну. В конце концов, Хэ Янь был сицзюнем моего отца, а значит, по старшинству стоял на целое поколение выше меня. Поразмыслив, я решил называть его «сицзюнь Хэ», а не просто по имени, как он предлагал. Услышав это обращение, он на мгновение помрачнел, но тут же вновь обрел самообладание.

Хэ Янь был самым любимым из всех супругов моего отца. Его положение в семье Нань оказалось именно таким, как я и предполагал: он был фигурой весьма значимой. Отец доверил ему управление почти всеми домашними делами, фактически отстранив от них даже законную супругу.

К слову, своей первой встречей с человеком, которого мне полагалось называть отцом, я был обязан именно Хэ Яню. Нань Сютянь пришел к нему на ночь, и тот рассказал ему обо мне. Отец заглянул ко мне, бросил пару безучастных взглядов и задал несколько дежурных вопросов. Хэ Янь воспользовался моментом и сказал, что хочет взять меня под своё крыло. Помню, Нань Сютянь тогда лишь спросил: «Зачем?». Хэ Янь ответил, что мальчик совсем один, а у него самого нет наследников — разве это не идеальное совпадение?

Нань Сютянь в тот миг странно изменился в лице. Он долго всматривался в лицо Хэ Яня, а тот молчал, не отводя взгляда. В итоге Нань Сютянь уступил. Он сказал, что в этом нет ничего невозможного, но нужно дождаться моего выздоровления, прежде чем официально оформить усыновление. Услышав это, Хэ Янь улыбнулся. У меня же не было ни возможности вставить слово, ни права голоса. Досадно.

Я не знал, почему Хэ Янь решил меня усыновить, как не понимал и того, зачем он вообще меня спас.

Слуги в поместье Нань быстро пронюхали, что заброшенный в дальний угол и обреченный на смерть маленький молодой господин Нань Си обрел могущественного покровителя. Вмиг все вокруг принялись подобострастно лебезить предо мной. Столь внезапная необходимость ежедневно общаться с такой толпой народа изрядно меня утомляла. Позже Хэ Янь, видя мои мучения и попытки скрыться от назойливых глаз, дал совет: общаясь с этими людьми, сохраняй спокойствие и не принимай их всерьез. Главное — не давай им повода для сплетен. Я кивнул, принимая наставление.

Спустя месяц я наконец смог подняться с постели. Хэ Янь тогда подшутил надо мной: мол, молодость берет своё, раны заживают быстро. В его голосе было больше иронии, чем восхищения. После окончательного выздоровления, под пристальными взглядами всех домочадцев Нань, я был официально передан на воспитание Хэ Яню и стал его сыном.

Ощущение было престранное.

Няня, оправившись от ран, вернулась к своей службе. Она часто плакала, приговаривая, что я

наконец-то дождался светлых дней.

— Наконец-то в семье Нань у тебя появилась опора. Теперь никто не посмеет тебя обидеть!

Видя её такой, я чувствовал одновременно и нежность, и грусть. Должно быть, тревога, снедавшая её всю жизнь, наконец немного отступила.

Чем дольше я жил с Хэ Янем, тем отчетливее понимал: этот человек далеко не так прост. Он был искусен в музыке, шахматах, каллиграфии и живописи. Не будет преувеличением сказать, что он обладал познаниями обо всем на свете — от небесных тайн до земных порядков. Да и в делах управления он смыслил немало. Такой человек рожден для великих свершений. Но как же так вышло, что он стал лишь сицзюнем моего отца? Неужели он готов смириться с такой участью до конца своих дней?

Я никак не мог найти ответов, но никогда не спрашивал его об этом. Должно быть, у него были свои причины. Глядя на его неизменное спокойствие, я каждый раз невольно вздыхал от переполнявших меня мыслей.

Хэ Янь оказался прекрасным учителем. С тех пор как я официально стал его сыном, он начал обучать меня всевозможным наукам и искусствам. В учении он был суров и не давал поблажек: за успехи хвалил, за промахи — неизменно наказывал. Пришлось мне несладко. К счастью, я не был совсем уж неучем. Хотя большая часть моих прежних знаний в этом мире была бесполезна, кое-что всё же пригодилось. Мои идеи порой казались ему в новинку, поэтому Хэ Янь не слишком придирался, а иногда мы даже вступали в долгие обсуждения.

Незаметно пролетел год. За это время я лучше узнал этот мир и окончательно к нему привык. Вспоминая о своем прежнем желании сбежать, я всё еще колебался. Честно говоря, мне всё еще хотелось уйти. Вот только теперь сделать это будет куда труднее. Кто теперь не знает Нань Си, маленького молодого господина из семьи Нань? Эх, сплошные хлопоты.

Нань Сютянь по-прежнему относился ко мне прохладно. Сложно сказать, нравлюсь я ему или нет. Он никогда не вел со мной долгих бесед, лишь время от времени интересовался моими успехами в учении. Станный человек.

В моих глазах Хэ Янь всегда был образцом самообладания. Я никогда не видел его в смятении. Впервые он лишился своего хладнокровия, когда отец брал в дом четырнадцатую наложницу. Никогда прежде я не видел его таким разбитым. Он заперся у себя в покоях и лишь велел мне пойти в главный зал, чтобы поздравить отца от его имени. Глядя на него, я вдруг почувствовал жалость. Похоже, тот, кто любит первым, всегда остается в проигрыше. Оказывается, Хэ Янь действительно любил отца.

В тот день Хэ Янь пил в одиночестве, что-то тихо бормоча себе под нос. Подойдя ближе, я расслышал, что он раз за разом шепчет имя отца: «Сютянь, Сютянь...». В этом шепоте было столько беспомощности и глубокого, незатихающего чувства.

Среди ночи я сквозь сон услышал какой-то шум из комнаты Хэ Яня. Вспомнив, сколько он

выпил, я затревожился и поднялся. Я уже собирался толкнуть дверь, как она распахнулась изнутри. На пороге стоял отец.

Я замер, не зная, что сказать. Отец молча смотрел на меня. Его лицо было спокойным и невозмутимым, как зеркальная гладь воды. Наконец он негромко произнес:

— Хэ Яню нужно воды.

Я поспешно принес воды. Отец бережно приподнял Хэ Яня и принялся осторожно поить его, тихим голосом уговаривая сделать хоть глоток.

Меня охватили смешанные чувства.

«Отец... он ведь тоже любит Хэ Яня, верно?»

Но если так, зачем же он берет в дом жену за женой? Зачем причиняет боль тому, кого ценит больше всех? Я тихо вышел и прикрыл за собой дверь. Глядя на холодную луну, я подумал о наложнице, вошедшей сегодня в наш дом. Она ведь тоже несчастна — в брачную ночь муж оставил её ради другого.

Если вдуматься, много ли в этой семье по-настоящему счастливых людей? Хэ Янь считается самым любимым, а значит — самым благополучным. Но и ему приходится делить близкого человека с другими. Должно быть, на душе у него кошки скребут. Удивительно, как ему удается сохранять такое спокойствие в обычные дни.

<http://bllate.org/book/17518/1721990>